

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Адорно: Констелляция материализма

Йоахим Брун

2003

Йоахим Брун
Адорно: Констелляция материализма
2003

Скопировано 10.12.2020 с
<https://liberadio.noblogs.org/?p=1202>
Risse. Analyse und Subversion, Nr. 5, июль 2003

ru.theanarchistlibrary.org

Бытие не определяет сознание — по крайней мере, не материалистически. Ибо материализм пишется не материей как первопричиной, которой сознание служило бы зеркалом, а загнанным в негативную тотальность капиталистических отношений человеческим родом. Материализм не является теорией социальной среды, детерминизмом; он вообще не делает производных. Он критически описывает. Он занимается, как говорил Маркс, «критикой посредством описания», т.е. объективной саморефлексией вывернутого наизнанку общества в горизонте его ультимативного кризиса как его окончательной правды. Так, материализм является не философией происхождения, а самосознанием негативной диалектики, не Великим Методом, который применяется интеллектуалами к объекту, а критикой, взрывающей овеществлённую имманентность объекта. Материализм не является, тем более в его категорической позиции как коммунизм, органом какого-либо интереса, агентом класса, комиссаром какой-либо про-

граммы: поэтому он не годится ни на роль «науки как профессии», ни на роль её последствия – «политики как профессии», т.к. он не может уложить в систему и озолотить в виде теории анти-разумное капиталистического общества. Материализм — это антагонист подобных практик рационализации, этого, как говорит Адорно, «пораженчества разума». Ибо марксизм до-критичен, одна из опций буржуазного Просвещения. Марксизм, к тому же, анти-критичен, стратегия радикально-буржуазной, якобинской интеллектуальности. Там, где материализм марксовой критики политической экономии говорит об идеологии, там интеллектуал постоянно слышит интерпретацию, мнение, манипуляцию: затем, чтобы занять позицию профессионального посредничества между так называемыми «фактическими суждениями» и так называемыми «ценностными суждениями».

Это, по сути, авторитарно. Не только потому, что интеллектуал удваивает общественную анти-сущность, когда он ведёт себя подобно деньгам в отношении к товару, т.е. как философ, который выясняет «справедливую цену». Но и потому, что уже философский акт в форме своего суждения устанавливает ту разницу между сущностью и её проявлением, согласно чему, с экономической точки зрения, потребительская стоимость является лишь проявлением ценности, а с политической точки зрения, эмпирический индивид — лишь выражение правового субъекта: «гнилая экзистенция». В конце концов, марксизм конрреволюционен, ибо человеческая «сущность», которую следовало бы освободить, ни в коем случае не труд; если бы это было так, речь шла бы действительно об «освобождении труда», угнетение особенного общим, индивида — рабочей силой, продолжилось бы, в то время как должна царить свободная ассоциация и, в конце концов, как удачно Адорно определяет коммунизм в «*Minima moralia*» — «единство многих

без принуждения». Материализм не есть марксизм, т.к. всякий марксизм со времён Карла Каутского и В.И. Ленина ведёт к варварской сентенции Сталина: «Кто не работает, тот не ест». В общем и целом, материализм не является марксизмом, т.к. он серьёзно относится к марксовой критике политической экономии, т.е. к единству критики капитала, критики государства и критики идеологии, как она и задумывалась с самого начала: это и есть квинтэссенция.

Интеллектуалы – и совершенно ясно, что по аналогии с «буржуазным государством» было бы тавтологией говорить о «буржуазных интеллектуалах» – честно старались свести Критическую теорию к теории, а затем, «из-за её недостаточной связанности с практикой», либо восхвалять её как «роскошь мышления», либо клеветать на неё как на «утопическую» или на «заоблачную»; последнее, как обычно в жаргоне немецкой идеологии, в довольно антисемитском тоне. Адорно должен стать корешем, ещё одним Хабермасом среди прочих, для которого расщепление на умственный и физический труд, лежащее в фундаменте классового общества и вообще обуславливающее мутную схизму между теорией и практикой, столь незначительно, что оно просто служит ему средством существования. Но «Критическая теория» было лишь именем, чтобы революционизировать марксизм 20-х годов, который был так заезжен немецкой Ноябрьской революцией и русским Октябрём, что последствиями могли быть лишь пакт Гитлера-Сталина, стратегическая подготовка к войне на уничтожение и массовое уничтожение; чтобы в интересах коммунизма и революции упразднить/снять его (марксизм) в материализме. Вне этого конstellация материализма, достигающая своего апогея в «Негативной диалектике» (1966), в Адорно, останется непонятой. Критическая теория исторически и логически создаёт себя как саморефлексия и самокритика коммунизма, а поэтому — как попыт-

ка спасти идею свободной ассоциации от предательства, совершённого рабочим классом в отношении тайно вложенного в него «ранним» Марксом, объективного телоса, т.е. попыткой утвердить этот императив разума против наци-фашизма и сталинизма. То, что Критическая теория не служит, как это угодно фельетонистам, попыткой помыслить некий, заумно называемый «перелом цивилизации», и то, что, более того, катастрофический кризис капитала, нацистское варварство и Шоа объясняются историческим крахом пролетариата между августом 1914-го и ноябрём 1918-го годов, ясно не только из изданных в 1934-м году в Цюрихе под названием «Сумерки» записок Макса Хоркхаймера. Это становится ясно, прежде всего, в сравнении с единственными попытками понять отсутствие революционной субъективности, предпринятыми Георгом Лукачем и Карлом Коршем. Лукач и Корш поняли, что марксизм должен быть подвергнут генеральной ревизии, но не по примеру Эдуарда Бернштейна, а, более того, критическому укреплению его фундамента и осознанной де-социалдемократизации, т.е. де-каутскизации, как «возвращению к Марксу».

«Исследования марксистской диалектики» Лукача, представленные в 1923-м году в «Истории и классовом сознании», повлекли за собой двойственный результат. С одной стороны, было показано, что на вопрос «Что такое ортодоксальный марксизм?» нельзя было ответить по ту сторону Гегеля, но с другой стороны напоминание о постоянно игнорируемом в социал-демократическом марксизме анализе фетишистского характера товара в первом томе «Капитала» подвело к понятию овеществления, которому противопоставлялась без права вето голая способность к труду как природная сила. С одной стороны, Лукач представляет действительно самый первый философский марксизм, с другой стороны его

сущую самореализацию, а как наше несчастье, трансформирует антиномию теории и практики в констелляцию полемического выражения разума в катастрофическую самокритику капитала в ходе его кризиса: Речь идёт о том, чтобы воплотить не утопию, а «программу упразднений» (Корш).

Перевод с немецкого.

щих своим трудом жизнь рода субъектов в нём объективно, независимо от всякой рефлексии, не уделяется внимания специфическим качествам продуктов труда и трудящихся. Принцип эквивалентности общественного труда делает общество в современном, буржуазном смысле абстрактным и самым наиреальным, именно как учит об эмфатическом понятии понятия». Реальная, конкретная, практически существующая абстракция, то всеобщее, которое сообщается в ходе своей негативности с частным: в этом заключается ответ на «Историю и классовое сознание», обладающий и революционно-теоретическим значением. Ибо общественный синтез посредством капитала, принудительное единство, которое им устанавливается, является противоположностью коммунизму как «единству многих без принуждения». Это потому, что оно делает трудящихся индивидов «галерами» (Маркс) рабочей силы, не осмысленными экземплярами рода, а простыми экземплярами природной силы, встроенной в «химизм фабрики» (Маркс). Взаимоотношения между рабочим и рабочим классом, поэтому, не могут быть представлены так, как это делает Лукач — т.е. в смысле подчинения пролетарского индивида общности его объективно собственного, «приписываемого» ему классового сознания в форме реальной абстракции «партии», ни в манере Корша — т.е. в перспективе самообобщения индивидов в форме индукции снизу и в образе номинальной абстракции «советов», в которых они сами объективируют и представляют своё классовое сознание как своё собственное дело. Если взаимоотношения между рабочим и классом представить так, то продолжением будет пустыня «научного социализма», а затем — безнадёжные дилеммы теории и практики.

Адорно, когда он охватывает фундаментальную негативность категорий марксовской критики политической экономики и, понимает например, труд не как саму по себе

«марксистская диалектика», т.к. она всё ещё дистиллируется из учения о позитивном развитии труда, легитимирует в образе ленинистской партии старый лозунг о «внесении классового сознания в рабочий класс» (Каутский) извне, и это с такой жесткостью, которую позднее разъяснил всем Сталин, пролетарский цезарь. Так вышло потому, что «ортодоксальный марксизм» был понят как метод, применяемый к объекту как система, для которой конкретное означает не больше, чем классифицируемый материал. Так, с одной стороны, было показано, что Маркс не был социологом или экономом, социалистическим Максом Вебером, и что «Критика политической экономии» была названа «критикой» со вполне гегельянскими намерениями, т.е. как описание кризиса, неизбежно производимого в себе общественной тотальностью — с другой стороны, против Гегеля, не было понято, что объект так выражается в методе, как сущность в проявлении, и что, поскольку тотальность определена как негативная, сущность может пониматься только как анти-сущность. Из этого следовало, что Лукач приписывал крах Ноябрьской революции, как показывает его безудержная, сопровождающая сталинизацию компартии Германии полемика против теории спонтанности Розы Люксембург, отсутствию по-настоящему большевистской партии. То, что метод настолько подчиняет себе свой предмет, как и партия пролетариат — это политический результат философии, которая привела Лукача в 60-е годы к открыто авторитарной «Онтологии общественного бытия», как типичной теории интеллектуалов, которую Адорно осудил как махинацию «вынужденного примирения».

В том же 1923-м году вышел и труд Карла Корша «Марксизм и философия», в конечном итоге более важный для возникновения Критической теории. Корш не только показывает, на сколько «метод» является философским

путём интеллектуалов во власть, он не только показывает, что материализм Ленина не выходит за рамки ранне-буржуазного Просвещения (этим он обосновывает рэте-коммунистическую критику «теории отражения», что выливается в 1938-м в книгу Антона Паннекука «Ленин как философ»), он не только отвергает понимание гегелевской диалектики как позитивного объяснения труда — более того, он противопоставляет «логификации» марксизма у Лукача строгую историзацию и показывает его, применяя Маркса к марксизму, как преходящую форму самого материализма, как утёкшую форму революционного мышления, как описание категорического императива в эпоху капитализации и идеологию квалифицированного труда. Это материализм, определяемый как самосознание эмпирических субъектов, принявший форму мышления, в которой мыслит себя антагонизм против капитала и государства. Материализм есть первичное право конкретного, объекта, нуждающейся природы в субъекте. Ноябрьская революция не потерпела поражение потому, что не было «партии», но потому, что обе формы претерпевающего трансформацию пролетариата, квалифицированный, и как выразились бы операисты, массовый труд, никак не могли выразиться одновременно в форме советов. Это было привилегией конкретного, которую Корш с середины двадцатых годов противопоставлял Сталину, а затем, в Испанскую гражданскую войну — поставил на сторону анархистов. Но его восприятие и затем отвержение философии Гегеля привело его к парадоксальной позиции, отвергнуть марксово описание форм ценности как невероятную метафизику и обратиться к мысли венской школы, к «логическому эмпиризму», а тем самым — к номинализму как к идеологии непосредственности конкретного.

Так, специфическая форма опосредования, которую устанавливает капитал между обществом и индивидом, не была понята Лукачем и Коршем. Лишь когда они поняли, что вопрос, что такое материализм, непосредственно переходит к вопросу, что такое философия идеализма, они сделали Маркса понятным. Когда они не поняли, что Великий метод, приводящий в форму движения мирового разума, является лишь идеалистическим выражением движения анти-сущности, капитала как автоматического субъекта, они недопоняли и самого Маркса, т.к. они хотели понять его как интеллектуалы, т.е. не осознавая общественного контекста форм мышления как способов, в которых опосредование лишь представляется мышлению.

Конstellация, которой достигает материализм в мышлении Адорно (при непосредственной помощи Альфреда Зон-Ретеля), к примеру, в «Трёх штудиях о Гегеле» и в «Негативной диалектике», делает прозрачным противоречие между субъектом и объектом, методом и предметом, номинализацией и онтологией как лишь логичную антиномию, которую настолько же невозможно разрешить внутри неё самой как и антиномию между потребительской и обменной ценностями, деньгами и товаром, между наёмным трудом и капиталом. Этот ответ на крах пролетариата в Ноябрьской революции перешагивает через «Историю и классовое сознание» Лукача и «Марксизм и философию» Корша тем, что он воссоздаёт противоречие как самое явное описание одновременно создающей антиномию и исчезающей в ней же анти-сущности, такой анти-сущности, которая сама снимает в себе логику, т.к. она (анти-сущность) всё же устанавливает общественную действительность этой логики. Маркс, говорит Адорно, описывает в «Капитале» не логику отчуждённого труда, а феноменологию анти-духа», анти-разума; «общество, по сути, столь же понятие как и дух. Как в единстве воспроизводя-